ФЭННИ ФЛЭГГ

РОЖДЕСТВО И КРАСНЫЙ КАРДИНАЛ

Фэнни Флэгг

Рождество и красный кардинал

«Фантом Пресс»

2004

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Флэгг Ф.

Рождество и красный кардинал / Ф. Флэгг — «Фантом Пресс», 2004

ISBN 978-5-86471-810-0

Напуганный врачебным диагнозом Освальд Т. Кэмпбелл бежит из холодного и сырого Чикаго на юг, в гостеприимный Затерянный Ручей, где собирается встретить свое последнее Рождество. Ничего хорошего от захолустья он не ожидает, но реальность оказывается совсем не такой, какой он себе ее воображал. Жизнь в Затерянном Ручье хоть и размеренная, но весьма необычная и даже странная. И жители городка тоже весьма необычны. Почтальон доставляет корреспонденцию на лодке. В единственном магазинчике хозяйничает маленькая красная птичка по имени Джек. Дамы городка тайно творят добро, объединившись в эзотерическое общество под названием «Крупные Горошинки». А сам Освальд оказывается вдруг главной фигурой местной светской жизни. Вместе с приближением Рождества начинают происходить удивительные события, которые изменят жизнь не только Освальда, но и всех обитателей Затерянного Ручья.Роман Фэнни Флэгг – странная, притягательная, теплая рождественская сказка, полная самого обычного волшебства, которое под силу многим, стоит только очень захотеть. Книга для всех, кто стосковался по доброму слову и красивой истории.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-810-0

© Флэгг Ф., 2004
© Фантом Пресс, 2004

Содержание

Город Ветров[1] 7
Алло, оператор! 15
Лавка 19
Дорога-река 24
Чудо-Алабама 26
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Фэнни Флэгг
Рождество и красный кардинал

A REDBIRD CHRISTMAS by FANNIE FLAGG
Copyright © 2004 by Fannie Flagg

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Сергей Соколов, перевод, 2009
© «Фантом Пресс», оформление, 2019
© «Фантом Пресс», издание, 2009, 2019

* * *

Посвящается Йони, Кейт и Рите

Город Ветров[1]

Было только шестое ноября, но в Чикаго вовсю свирепствовала метель, уже вторая за эту осень. Освальду Т. Кэмпбеллу всерьез казалось, что по дороге к врачу он не пропустил ни одной глубокой лужи, и каждая была до краев заполнена ледяной жижей. Когда он наконец прибыл на место, основательный запас бранных слов, которых он успел нахвататься за свою непродолжительную службу в армии, весь иссяк.

Регистраторша, поприветствовав его, протянула планшет с анкетой:

– Мистер Кэмпбелл, мы получили вашу медицинскую карту и данные по страховке, но доктор Обечек предпочитает, чтобы новые пациенты сообщали о себе краткие сведения. Будьте добры, заполните, пожалуйста.

Господи, неужели нельзя обойтись без этих вечных анкет, раздраженно подумал Освальд, однако послушно взял планшет и принялся за дело.

Имя: *Освальд Т. Кэмпбелл*

Адрес: *меблированные комнаты «Де Сото», 1428, Леннон-авеню, Чикаго, штат Иллинойс*

Пол: *мужской*

Возраст: *52*

Волосы: *там, где еще остались, рыжие*

Глаза: *синие*

Рост: *пять футов восемь дюймов*

Вес: *161 фунт*

Семейное положение: *разведен*

Дети: *слава богу, нет*

Ближайшие родственники: *бывш. жена, миссис Хелен Гвинн, 1457, Хоуп-стрит, Лейк-Форест, штат Иллинойс*

На что жалуетесь: *команде «Юнцы» нужен новый игрок второй базы*[2]

Граф в анкете еще оставалась куча, но он не стал их заполнять, расписался и вернул планшетку девушке.

Когда осмотр закончился и Освальд, трясясь от холода в тонком сером халате на завязках с открытым тылом, присел в уголке, медсестра велела ему одеваться, сказав, что доктор ждет его в кабинете. Озябшее до костей тело ныло после прощупываний и простукиваний в самых разных местах, да тут еще носки, ледяные и мокрые, хоть выжимай. Он попытался отжать носки, и на пол закапала синяя жидкость. Ступни у него тоже были чудесного синего оттенка, точно в цвет носкам.

– Здорово-то как! – проворчал под нос Освальд.

Он выбросил носки в мусорную корзину и в хлюпающих ботинках на босу ногу прошлепал к двери кабинета.

Дожидаться доктора было неуютно и тоскливо – почитать нечего, да и курить нельзя, раз он сдуру наврал доктору, что бросил. Оглядывая комнату, Освальд шевелил пальцами ног, а то их уже начинало сводить. Куда ни глянь, все серое. Серое за окном, серое в кабинете. Придушить бы того, кто выбрал этот колер. Когда он в последний раз лежал в госпитале для ветеранов, к ним приходила лекторша и рассказывала, как цвета влияют на настроение. Какой

[1] Так американцы прозвали Чикаго. – *Здесь и далее примеч. перев.*

[2] В бейсболе игрок-раннер касается второй базы во вторую очередь.

придурок выбрал эту серятину? Шляться по докторам Освальд никогда не любил, но страховая компания требовала проходить ежегодный медосмотр. Ну и какой толк с того, что очередной эскулап просветит его в том, что ему и так известно? Этот-то хоть настроен дружелюбно и смеется шуткам, но мог бы и поторопиться. Обычно доктора были либо молокососы, которым морскую свинку доверить страшно, либо пенсионного возраста. Вот и этому, похоже, за семьдесят. Может, потому и копается? Серые стены, серый ковер, серый халат, даже волосы у доктора серо-стальные.

Наконец дверь открылась, вошел врач с результатами исследований.

– Ну как, док, смогу я в этом году опять пробежать Бостонский марафон?[3] – осведомился Освальд.

На этот раз доктор оставил его попытку пошутить без внимания и с мрачным видом сел за стол.

– Мистер Кэмпбелл. Не испытываю никакой радости по поводу того, что мне придется вам сообщить. Обычно я предпочитаю, чтобы при разговоре присутствовал кто-то из близких. Из ближайших родственников вы упомянули только бывшую жену. Не могли бы вы ей позвонить и попросить приехать сюда?

У Освальда внезапно пропала всякая охота шевелить пальцами ног.

– Не вижу необходимости. А зачем?

– Дело серьезное. – Доктор открыл медицинскую карту. – Я проверил и перепроверил все клинические данные. Более того. Я позвонил своему коллеге пульмонологу – он принимает в этом же здании – и проконсультировался. К сожалению, он подтвердил мой диагноз. Мистер Кэмпбелл, скажу вам прямо. В вашем теперешнем состоянии вы вряд ли переживете следующую чикагскую зиму. Вам надо сменить климат, и немедленно. Иначе, откровенно говоря, вы и до Рождества вряд ли дотянете.

– Ух ты… – раздумчиво произнес Освальд. – Да неужто?

– Увы. Вынужден констатировать, что со времени последнего осмотра эмфизема у вас вошла в критическую стадию. Ваши легкие и без того в рубцах после перенесенного в детстве туберкулеза. Прибавьте долгие годы хронического бронхита, усугубленного курением. Вам будет достаточно хорошей простуды, которая неизбежно перейдет в воспаление легких.

– Да неужто? Ух ты, – повторил Освальд. – Печально.

Доктор захлопнул папку, подался к пациенту и заглянул в глаза.

– Вот именно. Печально. Положа руку на сердце, если принять во внимание тревожную быстроту, с которой развивается болезнь, даже если вы срочно переедете куда-нибудь на курорт, по самому оптимистическому прогнозу могу вам дать еще год… может быть, два.

– Вы шутите.

Врач покачал головой:

– Какие уж тут шутки. В данный момент эмфизема деформирует сердце и ряд других органов, не только легкие. Говорю это вам не для того, чтобы напугать. Вы должны быть в курсе, чтобы привести в порядок свои имущественные дела.

Несмотря на потрясение, Освальд чуть не рассмеялся. Какие там «имущественные дела»! Да на его банковском счете сроду не было больше двухсот пятидесяти долларов.

– Поверьте, я бы порадовался вместе с вами, если бы диагноз был благоприятный.

Доктор говорил правду. Он не любил огорчать пациентов. Кэмпбелла он видел впервые в жизни, но уже проникся симпатией к обаятельному коротышке.

– Может, мне все-таки позвонить кому-нибудь из ваших родственников?

---

[3] Ежегодный марафон, старейший в США, проводится с 1897 года в третий понедельник апреля – в День патриотов – по маршруту Хопкинтон – центр г. Бостона, шт. Массачусетс. Победитель получает денежный приз, а также традиционное рагу из говядины.

– Спасибо, не стоит.

– Что теперь будет с вашими планами на будущее?

Освальд глянул на врача:

– Полетят к черту, так ведь?

– Увы. Боюсь, будущее придется пересмотреть. – Доктор был полон сочувствия.

– Ничего особенного я в голове не держал и уж точно на тот свет не собирался.

– Нет, конечно нет.

– Здоровье у меня, чего греха таить, не ахти, но я не думал, что пора закругляться.

– Как я сказал, вам нужно поскорее уехать из Чикаго. Куда-нибудь, где воздух почище.

Вид у Освальда сделался озадаченный.

– Но Чикаго – мой дом. Ума не приложу, куда податься.

– У вас есть друзья где-нибудь во Флориде или Аризоне?

– Нет. Все, кого я знаю, – здесь.

– Что ж… И бюджет у вас, полагаю, довольно-таки ограничен?

– Верно. Только пенсия.

– Угу. Флорида в это время года вам будет не по карману.

– И сомнений нет, – согласился Освальд, никогда во Флориде не бывавший.

Доктор вздохнул, откинулся на спинку стула и погрузился в раздумья.

– Так-так, посмотрим… минутку… есть одно местечко, куда отец направлял своих легочных больных, и цены, помнится, там были вполне разумные. – Он смотрел на Освальда, как будто ожидая от него подсказки. – Как же оно называлось? Где-то неподалеку от Флориды…

Доктор внезапно вскочил, словно его осенило.

– Знаете что? В соседней комнате у меня хранятся старые истории болезни, оставшиеся после отца. Пороюсь-ка я в них – может, и найду что-нибудь для вас.

Освальд смотрел на серую стену. Уехать из Чикаго? Все равно что перебраться на другую планету.

Уже в сумерках Освальд вышел на улицу, где стоял все тот же леденящий холод. За углом Ригли-билдинга[4] налетевший со стороны реки порыв ветра ударил прямо в лицо, сорвав с Освальда шляпу. Тот обернулся, глядя, как головной убор опускается в водосток и корабликом плывет вниз по улице. Ну и черт с ней, подумал он, но уже через несколько шагов морозный воздух пробрался сквозь остатки волос, уши заныли от холода, и Освальд решил догнать шляпу. Когда ему удалось наконец водворить ее обратно на голову, ботинки на босу ногу чавкали, за шиворот текло, а его автобус уехал. Следующего Освальд дожидался словно в столбняке – окоченевший от холода и потрясенный новостями. Оказавшись в автобусе, он сел, и взгляд его уткнулся в рекламу универмага «Маршалл Филдс». ОТПРАЗДНУЙ ЛУЧШЕЕ РОЖДЕСТВО В СВОЕЙ ЖИЗНИ – НАЧНИ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОКУПКИ В ЭТОМ ГОДУ ПОРАНЬШЕ. Да уж, лучше начать пораньше, подумал он. А то ведь так можно и не успеть. И здорово не успеть, если верить доктору. Замешкаться – и последнее Рождество станет на самом деле последним.

От одной мысли делалось не по себе, хотя Рождество и значило для Освальда немного. Пока он пытался представить мир без себя, автобус выбрался на Стейт-стрит и тотчас увяз в густом потоке автомобилей. Со всех сторон неслось сердитое бибиканье, мешаясь с яростным гомоном пассажиров, которые вваливались на остановках и явно пребывали не в духе. Какая-то женщина уставилась на Освальда и громко заявила своему спутнику:

– Джентльмены всегда уступают дамам место.

[4] Небоскреб в Чикаго, один из наиболее известных и красивых в Америке. Расположен на углу Мичиган-авеню и северного берега р. Чикаго, состоит из двух зданий, соединенных между собой переходами на уровне 3-го и 14-го этажей.

«Леди, если бы я мог, я бы встал», – подумал Освальд. И правда, закоченевшие ноги его совсем не слушались.

Минут через пять, когда руки немного согрелись, он вытащил из кармана брошюру, которую дал ему доктор. На обложке красовалась фотография гостиницы – насколько большой, было не разобрать. Страницы выцвели и как-то вспучились, словно брошюра побывала в воде, но буквы читались четко.

ОТЕЛЬ «НА ОПУШКЕ» НА СОЛНЕЧНОМ ЮГЕ

ПОД НАЧАЛОМ НОВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

Хораса П. Данлепа,

ранее работавшего в «Гибсон-Хаус»,

Цинциннати, Огайо

В самой южной части Алабамы, на берегу томно вьющейся реки, лежит крошечный чудо-поселок Затерянный Ручей, где само время, кажется, замедляет свой бег.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ

Очаровательное курортное местечко уютно устроилось между бухтами Пердидо и Мобил в зоне субтропиков, где особенно хорошо зимой. К югу лежит Мексиканский залив, и постоянный теплый бриз значительно смягчает климат. Колоссальные объемы соленой воды, лежащие в непосредственной близости, насыщают воздух озоном, хлором и прочими животворными компонентами. Унылая бесплодность северной зимы сменяется теплым многоцветьем юга, хмурый пасмурный день здесь – редкость, а яркое солнце и голубое небо – правило. При испанцах эта часть страны именовалась «Пояс Очарования».

УСЛОВИЯ ДЛЯ ПОПРАВКИ ЗДОРОВЬЯ

Многие люди, страдающие от чахотки, ревматизма, нервных болезней и переутомления, обрели здоровье и вкус к жизни после нескольких месяцев, проведенных в этом регионе, теплый соленый бриз вернул им аппетит, на отсутствие которого они жаловались вот уже в течение нескольких лет. Это идеальное место для полного отдыха от городской суеты и суматохи. Ваша нервная система придет в равновесие, каким бы испытаниям она ранее ни подвергалась. Зимний отдых здесь такой, что лучшего и желать не приходится, а подобного изобилия родников с кристально чистой водой нигде не найти. По

словам доктора Марка Обечека из Чикаго, «весь этот регион можно назвать истинным раем Америки».

Наверное, это отец давешнего доктора, подумал Освальд, перевернул страницу и продолжил чтение.

ОТЗЫВЫ ТЕХ, КТО ПОБЫВАЛ ЗДЕСЬ ЗИМОЙ

Уважаемый господин Данлеп!

Мы в восторге от рыбалки, и катания на лодке, и пеших прогулок в густых сосновых лесах, и от песен пересмешников, и от свежего благоуханного воздуха.

М. Симмс, Чикаго, Иллинойс

Еще одна выцветшая фотография: ВИД НА РЕКУ С БОЛЬШОЙ ВЕРАНДЫ.

Я прибыла с севера, где снег, мороз и метели,
А тут голубое небо и птичек звонкие трели.

(Стихи Дианы Беркли из Чикаго, которую вдохновила на творчество наша зима)

Еще фотография: Л. Дж. ГРОДЗИКИ СО СВОИМ УЛОВОМ.

РАЙ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ РЫБАЛКИ

В наших южных водах настоящее изобилие рыбы. Вот далеко не полный перечень обитающих у нас видов: красная нерка, серебристый голец, американский голец, щука, камбала, горбыль, кефаль, окунь, сом, сарган и тарпон. Масса устриц, креветок и съедобных моллюсков.

Фото: ГРУППА ЧИКАГСКИХ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ ЗАКУРИВАЕТ, ОТВЕДАВ УСТРИЦ.

Фотография на следующей странице поставила Освальда в тупик. РОЗОВЫЙ КУСТ, ПОД КОТОРЫМ МОГУТ СВОБОДНО РАЗМЕСТИТЬСЯ ТРИДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК!

Автобус подъехал к его остановке, и Освальд сунул брошюру в карман, недоумевая, за каким чертом кому-то может понадобиться лезть под розовый куст в компании еще двадцати девяти человек, даже если им там будет совсем не тесно?

В холле здания, приютившего меблированные комнаты для мужчин «Де Сото», где Освальд проживал последние восемь лет, компания мужиков смотрела телевизор. Они помахали ему.

– Как все прошло?

– Просто жуть, – ответил Освальд и высморкался. – Могу не дожить до Рождества.

Мужики рассмеялись – этот Освальд вечно шутит – и вернулись к теленовостям.

– Я серьезно, – обиделся Освальд. – Доктор сказал, я в ужасном состоянии.

Он подождал отклика, но на него уже никто не обращал внимания, а он слишком устал, чтобы упорствовать. Поднявшись к себе, Освальд принял ванну, влез в пижаму, уселся на стул, закурил и с тоской посмотрел в окно на неоновые буквы, горящие над входом в его любимый бар. «Пиво Пабст – синяя лента». Чертовщина, подумал он. В такой ситуации мужику грех не тяпнуть стаканчик. Но год назад другой доктор сообщил Освальду, что печень на последнем издыхании и лишний стаканчик его просто убьет. Ну и что теперь? Как выяснилось, ему все равно скоро на тот свет, так что упиться до смерти, пожалуй, было бы совсем недурно. Во всяком случае, кончина быстрая и веселая.

Ну что, одеться и перейти через улицу? Да нет, пожалуй. Он обещал Хелен, своей бывшей, что не будет пить, и не хотелось вновь обманывать ее надежды, потому оставалось сидеть на стуле и жалеть себя. Ему всю жизнь не везло. Туберкулез у него выявили, когда ему было всего восемь, как и у добрых семидесяти пяти процентов других мальчиков в приюте Святого Иосифа, и с тех пор он кочует по больницам – то с хроническим бронхитом, то с пневмонией. Подкидыш, он не знал о себе ничего, не ведал, кто его родители. Нашли его на ступенях церкви, всех пожитков при нем была только корзинка, в которой он лежал, да жестянка томатного супа фирмы «Кэмпбелл»[5]. В честь супа его и назвали, *томатного*, о чем свидетельствовала буква «Т», а имя Освальд просто следовало по порядку в приютском списке имен после уже присвоенных другим мальчикам. Кто он по национальности, было покрыто мраком. Правда, в один прекрасный день (Освальду исполнилось двенадцать) священник долго смотрел на его довольно-таки крупный нос, рыжие волосы и голубые глаза, а потом рек:

– Если это не ирландская рожа, Кэмпбелл, я готов съесть свою шляпу.

Так Освальд стал ирландцем. Здесь ему тоже не повезло – в том, что касается пьянки, уж точно.

Да и не только пьянки. Все на свете давалось ему с трудом – учеба, спорт, девушки. Ни на одной работе он долго не задерживался, и даже из армии его скоро списали по состоянию здоровья. Освальду казалось, что все вокруг живут по четким правилам, только не он. Вечно у него было такое чувство, словно он пришел на светский раут в белых носках и кедах. Впрочем, в его жизни и не было светских раутов, а скоро и жизни настанет конец.

Погоревав где-то с час, Освальд вдруг понял, что по-настоящему разжалобить себя так и не удалось. Странно. В его-то положении вроде только и осталось, что слезы проливать. А ему почти ничего не жаль, не за что зацепиться. Бейсбол вот разве. И Хелен. Да-да, именно в такой последовательности, что и стало причиной их развода.

По правде говоря, Хелен – единственный человек на этом свете, кто пожалеет о нем. Пусть она давно заново замужем и у нее двое детей, все равно ближе у него никого нет. Когда-то он даже заглядывал к ним на огонек, поужинать, но теперь это в прошлом. Новый муж – балбес балбесом, а из вредной малышни выросли противные подростки, от которых матери ждать нечего, кроме неприятностей. Так бы и задушил мерзавцев, хотя бы одного. Ему нечего сказать относительно воспитания чужих отпрысков, они и развелись-то отчасти потому, что она хотела детей, а он – нет. Если ты семнадцать лет своей жизни провел в одном помещении с пятью сотнями галдящих и визжащих детей, хочется в кои-то веки пожить спокойно. И все же, несмотря на отчаяние, апатию и полное неумение располагать к себе людей, он хотел поделиться хоть с кем-нибудь, рассказать о том прогнозе, что ему выдали. Он охотно поговорил бы с Хелен. Но нет, она из тех женщин, что навсегда остаются няньками. И, узнав о его болезни, наверняка будет настаивать, чтобы он перебрался жить к ним, под ее крылышко. Да и к чему расстраивать ее? Она этого не заслужила. У нее хватает своих забот. Она и так с ним натерпелась, а кроме того, там же эти ее жуткие подростки.

Нет, заключил он, лучше просто уехать подальше и не лезть в чужую жизнь. Да и если приспичит выпить, никто не станет зудеть про здоровье. Главное, найти такое местечко, где можно прожить на пенсию в шестьсот долларов.

Освальд достал из кармана брошюру, прославляющую отель «На опушке». На последней странице Хорас П. Данлеп вопрошал читателя:

ЗАЧЕМ ЕЗДИТЬ ВО ФЛОРИДУ?

[5] Известнейшая компания по производству суповых концентратов в консервных банках.

На что вам Флорида с ее болотами и нехваткой питьевой воды? На что вам Нью-Мексико с его едкой пылью? На что вам Калифорния с ее холодными неудобными домами? Зачем тащиться за две-три тысячи миль, когда до округа Болдуин от Чикаго каких-то двадцать шесть часов? Оба берега реки густо поросли соснами. Кроме того, у нас произрастают такие виды, как магнолия, лавр, амбровое дерево, сосна карибская, ясень, клен, вечнозеленые растения, белый кипарисовик, разнообразные кустарники, а с дубов прядями свисает бородатый мох. В изобилии представлены орех пекан, кумкват, груша, смоковница и яблоня. Наши зимы напоминают северную весну или раннюю осень. Великолепные прогулки на свежем воздухе можно устраивать чуть ли не каждый день в году. На берегах реки обитают утки, гуси, дикие индейки, горлицы, перепела, еноты и белки. Изобилие источников, пресная вода на глубине 20–30 футов. В нашем мягком климате урожай фруктов и овощей можно собирать как минимум на две недели раньше, чем в других частях страны. Что это значит для желающих поправить здоровье? Это означает, что больные бронхитом, катаром, ревматизмом смогут поправить свое здоровье, это означает, что пневмония, грипп и простуды останутся в прошлом, это означает, что слабые здоровьем мальчики и девочки могут без боязни играть на свежем воздухе, а еще это означает румянец на щеках и возможность собирать цветы в Рождество.

СНИМИТЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ КОМНАТУ

ИЛИ

НЕБОЛЬШОЕ ЭЛЕГАНТНОЕ БУНГАЛО!

Мы сердечно приглашаем всех в наши пенаты. Ведь мы занимаем площадь не меньше Чикаго, только народу у нас поменьше. Приезжайте и убедитесь: мы ничего не преувеличили. Насладитесь солнцем, полюбуйтесь цветущими апельсинами в декабре!

На обороте была помещена песня со словами и нотами.

ЧУДО-АЛАБАМА

музыка и слова Хораса П. Данлепа

Вечер опускается
На южные леса,
Звезды появляются,
Молкнут голоса.

Чудо-Алабама, ты – предел мечтаний,
Я твой светлый образ в сердце сохраню.
Птичье щебетанье, трав благоуханье,
Чудо-Алабама, я так тебя люблю.

Сладко людям спится,
Всюду тишина,
Речка серебрится,
Светится луна.

Освальд отложил брошюру в сторонку. Наверняка скучнее места в Америке не найдешь, но почему бы не переговорить с Хорасом П. Данлепом лично? Человек из кожи вон лезет, пытаясь раскрутить свое дело. Пожалуй, надо завтра ему позвонить и разузнать, почем стоит снять замечательную комнату или небольшое элегантное бунгало. А заодно справиться, где там у них ближайший бар.

Алло, оператор!

На следующее утро, откашляв свои положенные тридцать-сорок минут, Освальд закурил, снял трубку и набрал указанный в брошюре номер.

– Прошу прощения, сэр, такого номера не существует. Вы уверены, что правильно его набрали?

– Абсолютно уверен. Я на него смотрю сейчас.

– Куда вы пытаетесь дозвониться, какой код района?

– Вот уж не знаю. Отель «На опушке», Затерянный Ручей, округ Болдуин, Алабама.

– Соединяю со справочной по району.

– К вашим услугам, – отозвалась немного погодя другая телефонистка.

– Будьте любезны, соедините меня с отелем «На опушке».

– Минуточку, сэр. Сейчас поищу. – Эта телефонистка говорила с таким густым южным акцентом, что можно было подумать, она издевается. – Извините, но у нас в справочнике нет никакой гостиницы «На опушке», округ Болдуин.

– О… Ладно, а вы сами где находитесь?

– В городе Мобил.

– Это что, в Алабаме?

– Да, сэр.

– Вы когда-нибудь слышали о местечке, именуемом Затерянный Ручей?

– Нет, сэр, никогда.

– А в вашем справочнике есть хоть какой-нибудь номер оттуда?

– Минутку. Уже ищу… Есть телефон зала приемов в Затерянном Ручье и телефон тамошней почты. Вас соединить с каким-нибудь из этих номеров?

– Давайте попробуем зал приемов. Может, там мне смогут помочь.

Минут за пять до этого миссис Френсис Клевердон, симпатичная сдобная дама с белыми, мягкими, словно пух, волосами, и ее младшая сестра Милдред вошли в зал приемов с тыльной стороны через кухню. На улице было 72 градуса по Фаренгейту[6], жара и духота в зале стояли невыносимые, и женщины открыли все окна и включили потолочные вентиляторы. Была первая суббота месяца. Сегодня вечером состоится ежемесячное собрание членов Ассоциации местных жителей и совместный ужин «что бог послал»[7]. Прихватив угощение, сестры прибыли пораньше, чтобы подготовить все как полагается. Френсис внесла два прикрытых колпаками блюда, одно с бобовой запеканкой, второе с макаронами с сыром, а также кое-что на десерт.

Милдред, которая нажарила цыплят и приготовила свиное жаркое, подходить к телефону не стала. Возвратившейся от машины Френсис она сказала:

– Не отвечай. Это наверняка мисс Альма, как начнет трещать, не остановится.

Сестры успели принести из машины два торта и три ореховых пирога, а телефон все звонил.

– Она так просто не сдастся, – сказала Френсис и сняла трубку за секунду до того, как Освальд совсем уже собрался разъединиться.

– Алло?

– Алло! – обрадовался Освальд.

– Алло? – повторила Френсис.

– С кем я говорю?

---

[6] 22 градуса по Цельсию.

[7] По американскому обычаю на совместный ужин вроде этого каждый гость приносит какое-то свое угощение.

– Это Френсис. А вы кто?

Тот же густой южный акцент, что и у телефонистки.

– Это Освальд Кэмпбелл. Не могли бы вы мне подсказать номер телефона гостиницы?

– Мистер Кэмпбелл, вы попали в зал приемов для местных жителей.

– Я знаю. Нас соединила телефонистка.

– Телефонистка? А вы откуда говорите?

– Из Чикаго.

– О боже!

– Может, вы случайно знаете телефон отеля «На опушке»? А может, это и не отель, а что-то вроде пансиона. Он в ваших краях.

– Отель «На опушке»?

– Вы о нем слышали?

– Слышать-то слышала… только этого отеля больше нет.

– Закрылся?

– Да нет. Сгорел.

– Когда?

– Минуточку. Моя сестра должна знать. Милдред, когда старая гостиница сгорела?

Казалось, вопрос позабавил Милдред.

– Где-то в 1911-м. А что?

– Мистер Кэмпбелл, сестра говорит, это произошло в 1911 году.

– В одиннадцатом году? Вы шутите!

– Нет, совсем нет, говорят, здание сгорело дотла за один час.

– О… ну… А может, вы тогда подскажете, в какой другой гостинице я мог бы остановиться?

– Здесь?

– Ну да.

– Тут нет ни одной гостиницы.

– Ох.

– То есть когда-то они были, но сейчас нет. А как вы там у себя в Чикаго узнали про наш отель «На опушке»?

– Мой врач дал мне рекламную брошюрку, только она, видать, порядком устарела. Но все равно спасибо.

– Погодите-ка секундочку, мистер Кэмпбелл. Милдред, закрой дверь, а то мухи налетят! Прошу прощения, мистер Кэмпбелл. Вы ищете что-то конкретное?

– Мне просто надо провести пару зимних месяцев в теплых краях. У меня легкие не в порядке.

– Бедный мой. Плохо это.

– Доктор сказал, мне следует побыстрее убраться из Чикаго.

– Я так вас понимаю. У вас там наверняка жуткий холод.

– Да уж.

Освальду не хотелось обрывать разговор, но пора было закругляться. И так это обойдется ему в целое состояние.

А миссис Клевердон не умолкала:

– У нас-то жарища. Нам пришлось открыть все окна и включить вентиляторы. Ой, простите, мистер Кэмпбелл. Я только дверь прикрою…

Он ждал, слушая, как из трубки несется приглушенный птичий щебет, – «птичек звонкие трели», как написала эта… как ее там… Диана Беркли. Придется теперь платить за эти трели.

– Я здесь, мистер Кэмпбелл, – вернулась к аппарату Френсис. – Вам нужен приют для вас с женой или для вас одного?

– Только для меня.

– Вы уже звонили в другие места?

– Нет. Я начал с вас – уж очень все показалось красиво. В любом случае спасибо.

– Еще минуточку, мистер Кэмпбелл. Дайте мне ваш номер. Погляжу, вдруг удастся что-нибудь подыскать.

Свой телефон Освальд сообщил, только чтобы отвязаться. Что за безумное местечко. Им звонит совершеннейший незнакомец, так они готовы заболтать его до смерти.

Расставив на столах цветы, Милдред вернулась в кухню.

– С кем это ты так долго?

– Одному чикагскому бедняге с больными легкими нужно где-то остановиться на зиму. Доктор дал ему брошюру про старую гостиницу, и он думал, что найдет там кров. – Френсис вытащила огромный кофейник. – И с чего это она, интересно, взяла и сгорела?

– Говорили, все крысы и спички.

– О господи. – Френсис откупорила большую банку с кофе. – Крысы могут сгрызть что угодно. Но чтобы пожар устроить!

На следующий день, часов около трех, Освальд совсем уже собрался опять взяться за Флориду, когда зазвонил телефон.

– Алло?

– Мистер Кэмпбелл, это Френсис Клевердон из Алабамы, вы вчера со мной беседовали, помните?

– Конечно, помню.

– Вы уже подыскали для себя подходящее местечко?

– Нет, еще нет. То, что предлагают, мне не по карману.

– Понятно. Если вы еще не передумали насчет наших мест, я вам тут кое-что нашла. По соседству со мной живет замечательная дама, она была бы рада вас принять на любой срок.

– Ух ты, – произнес Освальд. – И как вы думаете, сколько она с меня попросит?

– По ее словам, пятьдесят долларов в неделю ее вполне устроит, если вам это не обременительно. И конечно, сюда включено все питание. Это не слишком дорого?

Сложив свою шестисотдолларовую месячную пенсию и крошечное военное пособие, Освальд решил, что цена его устроит. Куда бы он ни звонил во Флориде, везде просили в два, а то и в три раза больше.

– Не слишком, и звучит очень привлекательно. Когда мне можно приехать?

– Бетти говорит, приезжайте в любое удобное для вас время, но чем скорее, тем лучше. Уж так хорошо на речке сейчас. Только, мистер Кэмпбелл, хочу вас предупредить, прежде чем вы примете решение. У нас тут крошечное селение, продуктовая лавка и почта, но зато тишь да благодать, и теплынь, уж это я вам гарантирую.

– Звучит заманчиво, – соврал Освальд. Конечно же, он так не считал, но вот цена… Следовало соглашаться, пока они там не передумали.

– Вот и замечательно. Позвоните мне, когда будете выезжать, вас кто-нибудь встретит.

– Договорились.

– И вот еще что, мистер Кэмпбелл, просто чтобы вы были в курсе. Мы здесь люди дружелюбные и доброжелательные, и соседи из нас хорошие, всегда придем на помощь. Надо только нас позвать. А вообще-то мы не любители совать нос не в свое дело.

Френсис говорила правду. Жители Затерянного Ручья предпочитали заниматься своими делами. Правда, несмотря ни на что, в душе Френсис оставалась оптимисткой с романтической жилкой. Появление нового мужчины в населенном пункте, где в наличии четыре вдовы

и три одинокие женщины, неизбежно вызывало у всех определенный интерес. Одной из трех незамужних была ее сестра Милдред. Сама-то Френсис была вдовой, но в гонку включаться не торопилась. После двадцати семи лет счастливого брака ей вполне хватало и воспоминаний о пережитом, а вот в отношении других дам… почему бы и не подтолкнуть судьбу в нужном направлении? Тем более Френсис была пресвитерианкой и верила в предопределение. К тому же мистер Кэмпбелл позвонил в первую субботу месяца, единственный день, когда в зале приемов кто-то есть, и это вам не простое совпадение. Вот будет здорово, если гость обернется чьим-нибудь рыцарем-поклонником в сверкающих доспехах! Из местных мужчин в расчет стоило принимать одного только Роя Гриммитта, владельца продуктовой лавки. Правда, ему всего тридцать восемь, для большинства дам слишком молод. Да и вообще после всего, что с ним стряслось, он, похоже, останется вечным холостяком. А жалко. Такой красивый, да еще и добряк. Хотя Френсис очень хорошо его понимала, получше, чем некоторые. Что все прочие чувства перед настоящей любовью!

Лавка

Добродушного гиганта Роя Гриммитта, державшего продовольственную лавку в Затерянном Ручье, любили все. Он был из тех немногих, если не считать креолов с противоположного берега реки, чьи семьи поселились здесь еще в начале восемнадцатого века, кто родился и вырос в этих местах. Лавка досталась Рою в наследство от дяди, который хозяйничал в ней почти пятьдесят лет. На большой рекламной жестянке кока-колы, выставленной перед кирпичным зданием, незатейливо значилось: «СЪЕСТНЫЕ ПРИПАСЫ ГРИММИТТА», однако это был не просто магазинчик. Это был ориентир. Если бы не лавка на углу, большинство людей преспокойно проезжали бы мимо, не подозревая, что на берегах реки укрылся городок. Для шестидесяти-семидесяти его обитателей лавка была местом, где они отоваривались и обменивались новостями, добрыми и дурными, а для рыбаков – еще и своеобразным привалом, где они не только покупали снасти и наживку, но и всласть похвалялись уловом – все, за исключением Клода Андервуда, лучшего рыбака, который никогда и словечком не обмолвился, сколько поймал и где. Перед лавкой – две бензоколонки, внутреннее убранство – самое простецкое: деревянные полы и мясной прилавок в глубине. Из украшений только чучела рыб, промысловых птиц, головы оленей по стенам да рыжая лиса на полке. Один из креолов, Джулиан Лапонд, – единственный чучельник в округе – когда-то дружил с дядюшкой Роя, частенько резался с ним в покер. Товар в лавке продавался в основном местный. Рой закупал мясо у охотников и не знал недостатка в свежих креветках, крабах и устрицах из залива, а также в рыбе из реки. Молоко, птицу, фрукты и овощи Рой получал с близлежащих ферм. Поскольку его магазинчик на всю округу один-единственный, он торговал не только продуктами и бензином. Ассортимент товаров был обширный – от рабочих рукавиц, грабель, лопат и мотыг до резиновых сапог. Дети обожали бывать у Роя – у него не переводились конфеты на любой вкус, картофельные чипсы и мороженое, а у входной двери стоял громадный холодильник с напитками. Внутри – чего душа пожелает: «Оранж Краш», рутбир[8], «Грапетт», «Доктор Пеппер» и «Эр-Си кола». Что ни попроси, у Роя все непременно найдется. Но имелось в магазинчике Роя еще то, чего не могла предложить ни одна другая лавка на свете.

Лет пять тому назад, вскоре после Рождества, Рой услышал, как где-то позади дома хлопает духовое ружье. В том году два мальчишки из семейства, живущего за лесом, получили в полное свое распоряжение пневматическое ружье и принялись пулять по всему, что попадалось на глаза. Рой сам был охотник и рыбак, но ведь эти мерзкие маленькие голодранцы подстрелят зверюшку и бросят умирать. А такое Рой ненавидел и потому выскочил на улицу через заднюю дверь с криком: «Эй, пацанье, а ну-ка хватит!» Мальчишки мигом драпанули в лес, а на земле остался трепыхаться комочек перьев. Рой подобрал маленький комочек. Это был птенец.

– Вот ублюдки.

Серо-коричневый птенчик был такой крошечный – и не разобрать, что за птица. Может, воробей, а может, пересмешник или крапивник. Рою уже доводилось подбирать за мальчишками убитых или подраненных птиц, но эта пичуга была совсем уж крошечной – пожалуй, и летать-то еще не научилась. Он знал, что бедолагу не спасти, но все-таки отнес птичку в лавку, положил в старый носок, а носок в коробку и поставил в теплое темное место в своем кабинете, чтобы какому-нибудь ястребу, филину или иному хищнику не вздумалось вдруг полакомиться. Пусть несчастный хоть умрет спокойно. А что еще Рой мог для него сделать?

Дети в округе жили вполне милые, и Рой находился с ними в прекрасных отношениях, но эти двое новеньких оказались настоящей шпаной. Никто не знал, кто они такие и откуда.

[8] Пиво из корнеплодов – газированный напиток с добавлением сахара, мускатного масла, аниса, экстракта американского лавра и др. Рецепт составлен в конце XIX в. филадельфийским аптекарем Ч. Хайрсом.

Рассказывали, что семейство поселилось за лесом в старом ветхом трейлере. Родителей Рой не встречал, но однажды увидел, как мальчишки швыряются камнями в собаку, и все про них понял. А сегодняшнее происшествие было и вовсе из ряда вон. Любой, у кого поднялась рука стрелять в птенца, заслуживал хорошей оплеухи. Если бы хулиганы попались Рою в руки, он бы им всыпал по первое число.

На следующее утро Рой и не вспомнил бы о птичке, если бы из коробки не донеслось чириканье. Он вытащил из коробки носок, и птенец буквально выпрыгнул наружу – с разинутым клювом, живехонький и явно оголодавший.

– Ах ты ж, проклятый подстреленыш, – поразился Рой.

Он понятия не имел, что делать. Подранков он подбирал и прежде, но впервые квартирант пережил ночь – и вон какой оказался бодрый и непоседливый. Рой снял телефонную трубку и позвонил приятелю-ветеринару в Лиллиан – маленький городок в десяти милях.

– Привет, Боб, у меня тут птенец, его, похоже, подстрелили.

Приятель удивления не выказал.

– Опять детки с духовым ружьем?

– Ага.

– Что за птица?

– Не знаю. – Рой оглядел пташку. – Он такой страшненький… смахивает на пастушка. Оперение серо-коричневое. Может, воробей, или пересмешник, или… Не знаю, что он за птица, но голодный. Мне его покормить?

– Покорми, если уж тебе так хочется.

– И что ему дать?

– Что мама дает – червячков, жучков. В общем, свежего мясца. – Боб засмеялся. – Ведь ты, Рой, теперь ему мама.

– Здорово, только этого мне и не хватало.

– И вот что, Рой…

– Ну?

– Если серьезно, он вряд ли выживет, но если ты хочешь выходить его, то нужно извлечь пульки. Если не вытащить, точно умрет.

Рой взял птенца в руки, растопырил ему крылья и принялся тщательно осматривать, поражаясь силе, с какой тот старался вырваться. Ранки обнаружились под правым крылом ближе к грудке. Рой отыскал пинцет, раздвинул перья и одну за другой извлек пульки из тельца отчаянно пищащей и дергающейся птахи.

– Прости, приятель. Знаю, больно, но никуда не денешься.

Рой промыл ранки спиртом, посадил малыша обратно в носок, отправился в секцию наживки, извлек из контейнера большого дождевого червя и несколько личинок, покромсал их на кусочки бритвенным лезвием и подал птичке завтрак. Птенец жадно проглотил угощение и попросил добавки.

Подранка Рой поселил у себя в кабинете – а то еще прознают, что он из рук кормит пичугу три раза в день и два раза ночью. Приятели его точно засмеют. В детине шесть футов и два дюйма, а он с птахой возится.

Дни летели, и Рой старался не слишком привязываться к питомцу. Он знал, какие птенцы нежные и как нелегко их выходить. Каждое утро он, почти ожидая, что обнаружит малыша мертвым, открывал дверь лавки, слышал бодрое чириканье и сердце его наполнялось радостью и гордостью за маленькую птичку. Он сроду не видел, чтобы так цеплялись за жизнь, но по-прежнему помалкивал. «Буду его кормить, – думал Рой, – а там видно будет. Научится летать – покажу людям».

Так прошло несколько недель. Птенчик окреп, набрался сил и очень скоро принялся скакать по всему кабинету, растопыривая крылья, только взлететь у него никак не получалось.

Рой заметил, что при попытках подняться в воздух он как-то заваливался на правую сторону. Рой заволновался, посадил питомца в обувную коробку и повез к Бобу.

Ветеринар осмотрел пичугу и сказал:

– Крыло сильно повреждено, Рой. Он никогда не сможет нормально летать и на воле наверняка погибнет. Скорее всего, нам придется пойти до конца и усыпить его.

Рою словно под дых двинули.

– Ты полагаешь? – спросил он, стараясь скрыть огорчение.

– Ну разумеется. Не годится держать дикую птицу взаперти. Очень жестоко, на самом деле.

– Пожалуй, ты прав. Я думал, он выкарабкается.

– Если хочешь, могу оказать тебе услугу и усыпить его прямо сейчас.

– Нет. Это моя птица. Я сам ею займусь.

– Дело твое. Я дам тебе пузырек с хлороформом. Просто капни на ватку и подержи у клюва, он и не почувствует ничего. Уснет, и все.

Рой запихал птенца обратно в обувную коробку и покатил домой. Птаха шумно прыгала в своем узилище, стараясь вырваться, и Рой ясно сознавал, что его приятель прав: бесчеловечно лишать живое существо свободы.

В ту ночь он накормил птичку до отвала, часов около девяти опустился на стул, достал ватку и пузырек с хлороформом. Птенец прыгал по кабинету, норовя вскочить на все, что на глаза попадется, клевал бумаги на столе. Рой взял его в руки, поднес поближе к свету, присмотрелся повнимательнее – и впервые заметил, что некоторые бурые перышки покраснели, на голове наметился хохолок, а вокруг глаз – черная маска. Рой поразился. Это же кардинал! Жаль, что малышу не суждено подрасти, какая красивая птица бы получилась. Проклятье! Рою внезапно захотелось отправиться в лес, разыскать этих двух поганцев и хорошенько стукнуть друг о дружку головами, да еще раз, да еще!

Рой просидел несколько часов, глядя на пичугу, потом поднялся и выкинул пузырек в мусорное ведро.

– К чертовой матери эту дрянь, приятель. Утром увидимся.

Он выключил свет и отправился спать. Умертвить птенца было выше его сил. Все равно что улететь на Луну.

После этой ночи Рой стал брать пичугу с собой в лавку. И вскоре пошел слух, что в продуктовой лавке поселился птенец виргинского кардинала, и каждый счел своим долгом заглянуть в магазинчик и восхититься. Поначалу птаха сидела на прилавке или под надзором Роя прыгала по кассе, еще через несколько недель научилась совершать коротенькие перелеты, нередко промахиваясь мимо цели, но с каждым днем делалась все сильнее и энергичнее, так что Рой на всякий случай вывесил на входной двери объявление:

НЕ ВЫПУСТИТЕ ПТИЦУ!

По ночам, когда Рой закрывал магазин, все помещения оказывались в полном распоряжении птахи, и она всласть предавалась странствиям. Приходит раз Рой поутру – а птенец проклевал дырку в коробке с воздушной кукурузой и скачет по прилавку с клювом, застрявшим в воздушной кукурузине. Рой рассмеялся и осторожно высвободил клюв. Похоже, своевольник любит продукцию под товарным знаком «Крекер Джек»! Тогда-то он и назвал пичугу Джеком. Но вскоре оказалось, что Джек не дурак полакомиться крекерами «Риц», картофельными чипсами, арахисовым маслом, ванильными вафлями и особенно шоколадками «Бадди Бар». Как только птичке попадались конфеты, она шла на любые ухищрения. Однажды Джек проклевал дырку в коробке с мармеладом и залез внутрь, и на следующее утро Рой вытащил его всего в

сахарной пудре. Вскоре даже покупатели привыкли к тому, что со всего товара уже снял пробу Джек.

В восторге от пичуги были все, исключение составлял лишь один человек. Милдред, младшая сестра Френсис, ясно дала понять, что птица ей не нравится, и постоянно жаловалась:

– Я же знаю, он истоптал все товары. За что ни возьмись, все в дырках от его клюва. Прямо вредитель какой-то. Захожу недавно в лавку – а он сел мне на голову и разворошил всю прическу. Пришлось возвращаться домой и заново укладывать волосы.

Френсис, которая любила птичку, отвечала:

– Послушай, Милдред, но ведь со мной он ни разу не проделал ничего подобного. Вот ты его недолюбливаешь, и он тебе тем же отвечает.

– Говори что хочешь, но продовольственная лавка – не птичник. Я так и сказала Рою: «Хорошо, что к нам редко заглядывает санитарный инспектор, а то тебе мигом бы запретили держать птицу».

– Так что же ты продолжаешь туда ходить, ведь с утра до ночи только и ворчишь из-за птицы?

– А где я тебе возьму другой магазин? Можно подумать, вокруг нас двадцать пять супермаркетов. У меня нет выбора. Говорю тебе, эта птица – вредитель. Не успеешь зайти, как она уже у тебя по голове скачет. Она социально опасна, вот и все, и не желаю больше об этом говорить.

– Как и я, – сказала Френсис. – Составь список покупок, и я куплю в лавке все, что тебе нужно, только бы не слышать больше твоего ворчания.

Милдред разгневанно смотрела на нее.

– Да как я узнаю, что мне нужно, если сама не пойду в магазин и не увижу своими глазами? Недаром ведь это называют «ходить за покупками»! – И с этими словами она вылетела за дверь.

Хлопот Джек доставлял немало, порой учинял настоящие безобразия, но в какого же красавца он вымахал! Крошечный неприметный птенец превратился в великолепную алую птицу в черной маске. Со своим словно напомаженным клювом и блестящими карими глазками Джек выглядел как и полагается кардиналу, только стоило ему повернуться и глянуть на вас, как почему-то начинало казаться, что птица ехидно улыбается. Однажды Рой сказал Клоду Андервуду:

– Клянусь, у этого своевольника есть чувство юмора. Каждое утро что-то новое учинит, войду в магазин – и меня с порога смех разбирает. Вот вчера повис вверх ногами на рыболовной сети и раскачивается туда-сюда.

Время шло, и Рой, убедившись в сообразительности Джека, начал обучать птицу кое-каким трюкам. Очень скоро Джек уже усаживался ему на палец и клевал подсолнухи с ладони. Его любимая игра заключалась в том, что Рой потихоньку клал семечко кому-нибудь в карман, Джек нырял за ним, а затем с семечком в клюве летел к Рою, передавал похищенное и в награду получал целых десять семечек.

Внимание окружающих явно нравилось Джеку. Впервые увидев себя в зеркале, он весь напрягся, нахохлился и бросился на свое отражение, недвусмысленно дав понять, что считает магазинчик своей вотчиной и не позволит другим пернатым вторгаться сюда. Пришлось Рою убрать из лавки все зеркала. Обнаружив, что чужак бесследно исчез, Джек, возомнив, будто в одиночку обратил незваного гостя в бегство, надулся от гордости, заважничал. По большей части он восседал у Роя на шляпе или на плече, хотя и самостоятельными вылазками не брезговал. И однажды выяснил, что это вовсе не безопасно.

Генри, огненно-рыжий толстый кот начальницы почты Дотти Найвенс, как-то целый день просидел у окна лавки, не сводя глаз с Джека, который беззаботно перепархивал с одного угла кассы на другой; в такт перелетам дергался и кошачий хвост. Кот твердо вознамерился поймать

птицу и добиться своего не мытьем, так катаньем. В три тридцать, когда подъехал школьный автобус из Лиллиана и дети хлынули в лавку за конфетами и лимонадом, кот решил воспользоваться шансом. Проскользнув в приоткрывшуюся дверь-сетку, он одним прыжком взлетел на прилавок и попытался цапнуть птицу. Джек стрелой взмыл в воздух, чудом избежав кошачьих когтей, и приземлился на верхней полке. Нимало не смутившись, Генри метнулся за птахой через всю лавку по коробкам с чипсами, по блокам сигарет, по жестянкам и бутылкам – куда Джек, туда и кот. А за Генри с криками кинулись и все прочие. Ну и суматоха поднялась, прямо светопреставление! Взъерошенный Джек еле уворачивался от когтей, старался вспорхнуть повыше да скакнуть подальше. Наконец он умудрился перелететь через лавку и сесть на мясной прилавок; кот рванулся следом, вспрыгнул на прилавок и на четырех лапах проехался по нему, сбивая банки с кетчупом и хреном. А Джек напряг все свои силенки, бешено замахал крыльями и взлетел на оленью голову, уж здесь страшному зверю было его никак не достать. Тут в дело вступил Рой и шваброй выгнал раздосадованного кота через заднюю дверь. Джек же весь натопорщился, расправил крылья и со своего безопасного насеста крикнул что-то оскорбительное вслед изгоняемому врагу.

Кардинал так и просидел на голове весь оставшийся день, осыпая Роя ругательствами за то, что пустил в лавку кота.

Наутро на двери появилось новое объявление:

НЕ ВЫПУСТИТЕ ПТИЦУ!

НЕ ВПУСТИТЕ КОТА!

Дорога-река

В Чикаго Освальд Кэмпбелл встретился со своим страховым агентом и оформил полис, согласно которому в случае его смерти страховое пособие и сумма, оставшаяся от пенсии, будут выплачены Хелен. Он особо оговорил, что полученные средства она должна потратить на себя, а детей и близко к деньгам не подпускать, хотя превосходно понимал, что такое в принципе недостижимо и сколько бы он ни истекал желчью, с этим ничего не поделаешь. Освальд закрыл свой банковский счет, сняв худосочную стопку наличности – весь свой капитал. Ехать на поезде было дешевле всего, и Освальд забронировал место. На следующее утро он позвонил миссис Клевердон, чтобы известить о своем приезде и узнать, на какой адрес следует переводить пенсию.

– Мисс Бетти Китчен, Дорога-река, сорок восемь, – любезно сообщила Френсис.

– Дорога-река? Это так улица называется?

– Нет, это река.

– Вот как. Мне-то нужно название улицы.

– Это официальный адрес, мистер Кэмпбелл. Почту нам привозят на лодке.

– На лодке? Но у меня же нет лодки, – растерялся Освальд.

Она засмеялась:

– Вам она и ни к чему. Почтальон прибывает на лодке.

– И куда же он привозит почту?

– Прямо к вашему причалу.

Освальд по-прежнему пребывал в недоумении.

– И мне не нужен почтовый индекс или что-нибудь в этом духе?

– Не нужен, мистер Кэмпбелл. Наш почтальон знает, где кто живет.

– Ясно… значит, Дорога-река, сорок восемь?

– Точно. Мой адрес: Дорога-река, сорок шесть. Место проживания моей сестры Милдред: Дорога-река, пятьдесят четыре. – Френсис не упустила возможности лишний раз упомянуть имя сестры.

Освальд повесил трубку. Ну и в веселенькое же место он направляется. А ведь она раньше не говорила, что почту доставляют на лодке. Уже во второй раз его посетили сомнения… но комнату свою он уже сдал, с Хелен попрощался по телефону, так что пути назад нет. В конце концов, он же не сказал миссис Клевердон, что он ходячая бомба замедленного действия и, неровен час, помрет у них на руках. Да и суетиться надо было раньше. Куда теперь податься? Ну ничего, уж пиво-то в местной лавке наверняка имеется. А причин, чтобы и дальше вести трезвый образ жизни, нет. Ждать-то от будущего уже нечего.

Не успела Френсис разъединиться, как поняла, что позабыла предупредить насчет мисс Альмы, матушки Бетти Китчен. Она уже собралась перезвонить, но передумала. Может, оно и к лучшему, зачем его заранее пугать. Кроме того, пора к Милдред – помогать готовиться к собранию эзотерического ордена тайного общества «Узор в Крупный Горошек». Рождество на носу, а им еще предстоит нарядить Окутанную Тайной Ель. Каждый год под Рождество члены клуба собирались на исходе ночи у зала приемов и украшали большой кедр, росший перед зданием, то есть втихомолку творили добро. «Крупные Горошинки» вершили немало добрых дел, и все тайком. Ибо девиз у клуба был: «Трезвонить о себе дурно».

Единственным мужчиной среди «Крупных Горошинок» был Батч Маннич по прозвищу Жердяй, шести футов четырех дюймов росту и ста двадцати восьми фунтов весу[9]. Добродуш-

[9] То есть примерно 193 сантиметра и 58 килограммов.

ному Батчу, племяннику Сибил Андервуд, было двадцать шесть лет, и он исполнял все поручения дам. Каждый год именно Батч приносил стремянку, – и лишь он мог дотянуться до верхних ветвей и повесить фонарики у самой макушки.

Сестру Френсис застала в гостиной: Милдред в ярком гавайском одеянии полулежала на диване и читала новую книгу, взятую в передвижной библиотеке. Называлась книга «Роман в дельте: пылкий рассказ о запретной любви в устье Миссисипи».

– Когда, ради всего святого, ты прекратишь глотать это дрянное чтиво? – проворчала Френсис, увидев, что читает сестра.

Милдред захлопнула книгу, положила на кофейный столик и парировала:

– А когда, ради всего святого, ты прекратишь глотать эти дрянные сладости?

Она всегда брала верх. В юности сестры ходили в одну и ту же частную среднюю школу в Чатануге, но даже в те годы Милдред держалась наособицу. Первая в городе она появилась в брючном костюме в загородном клубе Чатануги, слишком уж была независимая, чтобы подчиняться повальной моде. По мнению Френсис, именно по этой причине парень, с которым Милдред была обручена, сбежал и женился на другой девушке. Наверное, этим объяснялось и то, что нельзя было предсказать, с волосами какого цвета появится Милдред, – сегодня один оттенок, завтра другой. Колер она меняла, сообразуясь лишь со своим настроением. Сейчас волосы у нее были в клеточку. Френсис от души понадеялась, что к приезду мистера Кэмпбелла расцветка станет хотя бы естественной, но вслух ничего не сказала. Если Милдред узнает, что сестра ударилась в сводничество, она точно выкинет какой-нибудь фортель. Френсис очень переживала из-за нее. У Милдред имелись хорошая пенсия после двадцати пяти лет работы, выгодная страховка, собственный дом, множество друзей – словом, все; не было у нее только счастья. Френсис очень огорчало, что с годами Милдред делается все более желчной, на глазах превращаясь в старую грымзу. И это была одна из многих причин, по которой Френсис связывала столько надежд с приездом мистера Кэмпбелла. Милдред давно уже пора забыть бросившего ее парня и, пока не поздно, начать жить полной жизнью.

Чудо-Алабама

По совету доктора Освальд привел свои дела в порядок, что заняло у него не больше пяти минут. Всего-то надо было выкинуть три пары старых ботинок и одно пальто из двух имеющихся. Бейсбольный мячик, который он когда-то поймал прямо во время игры, и прочее барахло уместились в одном чемодане. В тот вечер приятели из АА[10] пригласили его на прощальную чашку кофе. Он сказал им, что вернется, скорее всего, весной, – что их зря расстраивать?

На следующее утро он поймал такси, отправился на вокзал на Лассаль-стрит, занял свое место, и в 12.45 поезд тронулся в путь. Глядя, как проплывают мимо знакомые здания, он понимал, что видит Чикаго последний раз в жизни. У него даже возникло искушение немедля отправиться в вагон-ресторан и промочить горло, но вчерашний подарок друзей по-прежнему лежал в кармане: памятный значок «Живи сегодняшним днем». Он чувствовал, что для начала следует подальше отъехать от Чикаго и своей АА-группы, поэтому уселся у окна и стал смотреть на проплывающие мимо виды. Поезд ехал через Цинциннати и Луисвилл на Нэшвилл и чем дальше забирался на юг, тем сильнее менялся пейзаж за окном. Бурая поначалу земля приобретала более приятные глазу оттенки, а когда Освальд проснулся поутру, голые черные деревья сменились высокими соснами и прочими хвойными. Он заснул в одном мире и проснулся совсем в другом. За ночь насупившееся зимнее серое небо сменилось ярко-голубым, и по нему ходили такие огромные кучевые облака, что Освальд невольно воскликнул про себя: «Что за шутки!»

В Мобил он прибыл ближе к вечеру. Стоило Освальду сойти с поезда, как к нему подскочил худущий высокий мужчина – вылитый богомол, если бы не бейсболка на макушке крошечной головы.

– Вы мистер Кэмпбелл? – спросил тощий.

Освальд подтвердил.

Тощий подхватил его чемодан и торжественно произнес:

– Добро пожаловать в Алабаму! Меня зовут Батч Маннич, но можете называть меня, как и все прочие, Жердяй, такое у меня прозвище.

На ходу Батч добавил:

– Я такой худой, что в детстве родители не разрешали мне завести собаку, боялись, что барбос примет меня за набор косточек и закопает где-нибудь во дворе! – И громогласно расхохотался собственной шутке.

Выйдя из здания вокзала, Освальд поразился, какой тут теплый, влажный, напоенный ароматами воздух. Оказалось, смотреть в окно поезда – это одно, а самому погрузиться в здешнюю атмосферу – совсем другое. За транспортное средство, грузовичок, Батч счел нужным извиниться:

– Он из себя неказист, но куда надо, довезет.

Батч оказался человеком веселым и простодушным и болтал не переставая все полтора часа, что заняла дорога до Затерянного Ручья. На визитной карточке, которую он вручил «мистеру Кэмпбеллу», был изображен основательных размеров глаз. Под глазом было начертано:

[10] АА – «Анонимные алкоголики» – международная общественная организация, объединяющая желающих излечиться от алкоголизма.

БАТЧ (ЖЕРДЯЙ) МАННИЧ,

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

И ПОМОЩНИК ШЕРИФА

Освальд удивился.

– И большой здесь спрос на услуги частного детектива?

– Пока нет, – огорченно сказал Батч. – Но я под рукой и в полной боевой готовности. На всякий случай. Мало ли что.

Пока они ехали через бухту Мобил[11] по длиннющей дамбе, начало темнеть. По обе стороны простиралась на многие мили вода, а погружающееся в бухту солнце было такое большое и оранжевое, что Освальд даже испугался.

– Оно всегда такое? – спросил он.

Батч посмотрел в окно.

– Ну да. Закаты у нас – залюбуешься…

К тому времени, как они свернули с шоссе к Затерянному Ручью, на дворе уже было черным-черно.

– Вот наша лавка, – сказал Батч.

В темноте Освальд ничего не разглядел. Они проехали еще примерно с квартал и остановились у большого дома.

– Приехали. Доставил в целости и сохранности.

Освальд вытащил кошелек:

– Сколько я вам должен?

И крайне удивился ответу Батча:

– Да ничего вы мне не должны, мистер Кэмпбелл.

Только Освальд собрался постучать, как дверь широко распахнулась и перед ним возникла могучая женщина ростом никак не меньше шести футов.

– Заходите! – пророкотала она и подхватила его чемодан, Освальд даже пошевелиться не успел. – Я – Бетти Китчен, рада вас видеть. – От ее рукопожатия ладонь Освальда чуть не расплющилась. – Завтрак в семь, обед в двенадцать, ужин в шесть. Если вам попадется крошечная чудаковатая старушка, не волнуйтесь, это всего-навсего моя мама. Она уже плохо соображает, где находится, так что если ненароком забредет к вам в комнату, просто прогоните ее. Пойдемте, покажу вам дом.

Освальд потрусил следом по нескончаемому коридору, разрезавшему дом пополам. Хозяйка шагала стремительно, щелкала выключателями, зажигая и гася свет, и поясняла на ходу:

– Гостиная, столовая, а вот это кухня.

Дойдя до конца коридора, Бетти обернулась и ткнула в маленькую дверцу под лестницей:

– А здесь я сплю.

В каморке места едва хватало на односпальную кровать.

---

[11] Бухта Мексиканского залива на юго-западе штата Алабама. Ширина 8-29 км. Каналом соединена с устьем р. Мобил, на берегах которой расположен г. Мобил.

– Люблю быть поближе к кухне, откуда мне проще присматривать за мамой. Здесь тесно, но мне нравится: напоминает поезд. Мне всегда очень хорошо спится в поезде, а уж я в свое время поездила. Давайте наверх. Покажу вам вашу комнату.

Взбираясь вслед за хозяйкой по лестнице, Освальд чувствовал что-то знакомое в ее манере держаться и говорить, будто встречал Бетти раньше. Но они прежде никогда не сталкивались, это точно, такую женщину не забудешь.

– Мама была когда-то кондитершей в Милуоки, пекла птифуры и пирожные, пока не поскользнулась на сигарной обертке. – Она покосилась на него и осведомилась: – Ведь вы не курите сигары, правда?

– Сигар не курю, – подтвердил Освальд. Даже если бы курил, не сознался, по ее тону было ясно: такого жильца здесь не потерпят. – У меня эмфизема, потому я и приехал сюда. Надеюсь поправить здоровье.

Она вздохнула:

– Многие приехали сюда из-за здоровья, у кого такая болячка, у кого сякая… Только не я. Я здорова как бык.

И, как только они вошли в комнату, она словно в доказательство своих слов одной рукой закинула чемодан на кровать.

– Вот. Мы на месте. Самая солнечная комната в доме. Я жила здесь, пока не перебралась под лестницу. Надеюсь, вам понравится.

Освальд осмотрелся. Просторно, светло, желтые обои в цветочек, маленький желтый диванчик в углу, деревянная кровать с валиками застелена белым хрустким на вид покрывалом из синели. Над кроватью вышивка в рамке: ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ.

Бетти указала на две двери:

– Чулан с вешалками слева, ванная справа. Что-нибудь понадобится – просто покричите. Если пока ничего не требуется, увидимся в семь ноль-ноль.

Освальд прошел в ванную и поразился: по размеру она была почти равна спальне. Раковина и ванна зеленые. И окно есть, удивительное дело. Освальд никогда еще не видел, чтобы в ванной было окно. Он так устал, что охотно сразу бы лег, но дорожную грязь надлежало смыть, так что он сперва принял ванну и только потом облачился в пижаму и с наслаждением нырнул в мягкую постель с благоухающим бельем. Лежа, он еще раз обвел взглядом комнату, выключил лампу и погрузился в блаженный сон.

Пока Освальд устраивался, зазвонил телефон. Френсис хотела узнать, благополучно ли добрался мистер Кэмпбелл. Услышав утвердительный ответ, она поспешно спросила:

– Ну как?

Бетти рассмеялась:

– Как?.. Хорош собой, росточком невелик, яркие голубые глаза и рыжие волосы. В общем, на эльфа смахивает.

– На эльфа?

– Ну да. На очень милого эльфа.

Хотя Френсис немножко огорчилась, что мистер Кэмпбелл не такой красавец, как она надеялась, – Милдред ужасно разборчива по части мужчин, – но вид у нее сделался самый что ни на есть довольный. Надо же, эльф, подумалось ей. О, так ведь скоро Рождество. Может быть, это знак. Ведь надежда как-никак умирает последней.

Глаза Освальд открыл в половине седьмого утра. Комната была полна солнца, а за окном чирикали те самые птицы, которых он уже слышал по телефону, только теперь они заливались в два раза громче. Для человека, который за последние восемь лет привык просыпаться в сумрачной комнате меблирашек где-то около половины десятого или даже десяти под улич-

ный шум, этого достаточно, чтобы почувствовать себя не в своей тарелке. Он попробовал было снова уснуть, но птицы не утихали, к тому же начался приступ кашля. Пришлось встать. Одеваясь, он обратил внимание на картинку на стене, явно вырезанную Бетти Китчен из какого-то журнала, – дамский туалетный столик; рядом с пудрой, губной помадой, гребенкой и пачкой сигарет «Лаки страйк» – форменная пилотка женской вспомогательной службы сухопутных войск США. И подпись под всем этим: ДА, ОНА СОЛДАТ – НО И ЖЕНЩИНА ТОЖЕ!

Так вот почему она показалась ему такой знакомой, осенило Освальда. Девушка, как видно, служила в армии. Медсестрой, а кем же еще. Сколько таких медсестер он перевидал, пока мотался по ветеранским госпиталям. А на одной так даже женился.

За завтраком (овсянка, яичница, ветчина, печенье) тайна раскрылась. Он был абсолютно прав. Мало того, его хозяйка оказалась в высоких чинах – подполковник медицинской службы в отставке, начальник над сотнями и сотнями медсестер в крупных госпиталях на Филиппинах.

Освальд объявил, что тоже служил в вооруженных силах. Она посмотрела на него:

– Вот уж никогда бы не подумала, что вы – военный, мистер Кэмпбелл.

– А меня никто не принимает за военного, – засмеялся он. – Я даже из Иллинойса-то никуда не выезжал.

– Не повезло вам.

– Может, и так. Но я не жалуюсь. Меня уволили по состоянию здоровья, что дало мне кое-какие привилегии. Да и образование я получил благодаря армии США.

Тут в дверях появилась мама – высохшая тряпичная куколка, чуть ли не вполовину ниже дочки. Чрезвычайно возбужденная, старушка, словно и не замечая Освальда, сказала:

– Бетти, слоны опять у нас во дворе. Сходи узнай, чего им надо.

– Да, мама, – ответила Бетти. – Сейчас узнаю. А ты пока иди наверх.

– Поторопись. А то они мне все камелии потопчут.

После того как она ушла, Бетти повернулась к Освальду:

– Теперь понятно, о чем я вам говорила? По ее словам, у нас во дворе такое творится… На прошлой неделе наведались летающие черепахи. – Она встала и принялась собирать тарелки. – Не знаю, давнее падение виновато или это все возраст, она ведь постарше будет, чем сам Мафусаил. – Бетти вздохнула. – Проклятие Китченов – долголетие, как по мужской линии, так и по женской. А у вас как, мистер Кэмпбелл? Долгожители в семье были?

Сведений о своей настоящей семье у Освальда не имелось никаких – пришлось исходить из своего теперешнего состояния.

– Увы, сомневаюсь, что так.

После завтрака Освальд вернулся в свою комнату и закончил распаковывать вещи. Через несколько минут снизу послышался голос Бетти:

– А-у-у-у! Мистер Кэмпбелл! К вам гость!

Он вышел к лестнице, и миловидная женщина в белой блузке и синей юбке, запрокинув голову, крикнула снизу:

– Доброе утро!

Голос он узнал тотчас и заторопился вниз – знакомиться с Френсис Клевердон. Седые волосы – но лицо, голубые глаза, милая улыбка на удивление молодые. В знак приветствия она вручила ему большую корзину с пеканами, кофейно-творожным тортом со сливками и клюквой, мандаринами «сацума»[12] и какими-то баночками.

– Надеюсь, вы любите желе. Я приготовила для вас желе из зеленого перца и скапернанга[13].

---

[12] Крупные сладкие гибридные мандарины без косточек.

[13] Мускатный виноград, родина – бассейн реки Скапернанг, штат Северная Каролина.

– Люблю, – сказал Освальд, понятия не имевший, что такое «скапернанг».

– Я вас не задержу, вы ведь человек занятой. Просто забежала на секундочку поздороваться, но как только вы устроитесь да пообвыкнете, добро пожаловать на ужин.

– Спасибо, миссис Клевердон, обязательно воспользуюсь приглашением.

По дороге к двери она оглянулась и спросила, был ли он уже в лавке и познакомился ли с Роем.

– Еще нет.

– Нет? – Она таинственно улыбнулась. – Обязательно сходите и полюбуйтесь. Получите удовольствие.

Когда Френсис ушла, Освальд решил немного прогуляться и спросил у Бетти, где у них тут лавка. Выяснилось, что надо выйти через парадный вход, свернуть налево, миновать почту и через четыре дома, в самом конце улицы, и будет лавка.

Освальд вышел на крыльцо и с изумлением понял, что на дворе так же тепло, как и в доме. Подумать только, каких-то два дня назад он в пальто брел под ледяным дождем, а сегодня сияет солнце и в рубашке с коротким рукавом совсем не холодно. Он повернул налево – и увидел то, что вчера скрывал мрак.

По обе стороны улицы росли могучие дубы, со стволов гирляндами свисал бородатый мох. Ветви у деревьев были такие длинные, что смыкались посреди улицы высоко над землей, образуя нечто вроде уходящего в необозримую даль балдахина. Освальд шел мимо домиков, представлявших собой маленькие ухоженные бунгало, и в каждом дворике буйствовали кусты с крупными красными цветами, напоминавшими розы. Освальд шагал к лавке, а рядышком, по стволам деревьев, вверх-вниз шмыгали на удивление тучные белки. В кустах щебетали и шумно возились птицы, но ни одной он так и не разглядел, столь густая была вокруг растительность. Очень скоро Освальд миновал белый дом с двумя входными дверями, над одной из которых значилось: ПОЧТА. На ступеньках сидел рыжий кот.

Дверь почты распахнулась, и стройная грациозная женщина с прямой челкой, вылетев на крыльцо, помахала ему:

– Привет, мистер Кэмпбелл. Рада вас видеть!

Он помахал ей в ответ, хотя понятия не имел, кто она такая и откуда ей известно, как его зовут. В конце улицы показался дом из красного кирпича, перед домом – две бензоколонки. Освальд вошел внутрь. За кассой стоял гладко выбритый шатен в штанах цвета хаки и клетчатой рубашке.

– Это вы Рой? – спросил Освальд.

– Да, сэр. А вы, наверное, мистер Кэмпбелл? Как поживаете? – Рой перегнулся через прилавок и пожал Освальду руку.

– Откуда вы знаете, кто я такой?

– От наших дам, мистер Кэмпбелл, – хохотнул Рой. – Они уж вас ждали-ждали. Не представляете, как я рад вашему приезду.

– В самом деле?

– А как же. Еще один холостяк, кроме меня. Еще один кандидат в мужья.

Освальд поднял руки вверх:

– Господи, какой с меня прок.

– Не обманывайте себя, мистер Кэмпбелл. Вы ведь еще дышите – выходит, прок есть.

– Это точно, – рассмеялся Освальд. – Пока еще дышу.

– Значит, нам надо сомкнуть ряды и стойко держать оборону, чтобы никто из красавиц на выданье не застал нас врасплох. Если вы, конечно, сами не ищете себе жену.

– Не-е-е-ет, – протянул Освальд, – только не я. Одной несчастной я уже испоганил жизнь. Вполне достаточно.

Щуплый коротышка сразу понравился Рою.

– Пойдемте в кабинет. Угощу вас кофе и представлю своему партнеру.

В дверях Рой свистнул и громко произнес:

– Эй, Джек!

Джек, который все утро не слезал с пластикового кольца с колокольчиками – своей новой игрушки, которую Рой заказал по почте, – услышал свист, выпорхнул из кабинета и сел Рою на палец.

Освальд замер.

– Ух ты. Это кто же такой?

– Познакомьтесь. Джек, мой партнер, – представил птицу Рой. – Лавка на самом деле принадлежит ему. А я всего лишь управляющий.

– Господи ты боже мой. – Освальд никак не мог опомниться. – Это ведь кардинал, правда?

Вытянув руку с Джеком в сторону, чтобы тот не услышал, Рой подтвердил негромко:

– Да, официально он – кардинал, но мы ему этого не говорим и называем просто «красной птичкой». А то заважничает дальше некуда. – И птице: – Эй, Джек, скажи человеку, где ты живешь.

Джек вздернул голову и – Освальд слышал своими ушами – прочирикал с тем же южным акцентом, что и у Роя:

– В радости!.. В радости!.. В радости!

Пока Рой готовился к приходу покупателей, Освальд слонялся по лавке, внимательно рассматривая развешанные по стенам чучела рыб и животных. Они были как настоящие. От лисы Освальд так даже шарахнулся в сторону.

Немного погодя он сказал Рою:

– Какая прекрасная работа. На секунду мне показалось, что эта чертова лиса живая. А рыбы просто великолепны.

Рой посмотрел на чучела:

– Согласен. Это дядя украсил так помещение. А животных по большей части в покер выиграл.

– Кто их изготовил, кто-нибудь из местных?

– Да. Джулиан Лапонд, старый креол, за рекой живет.

– Креол? Кто они такие? Индейцы?

Рой покачал головой:

– Не то французы, не то испанцы, не то индейцы – по-моему, они сами толком не знают. – Он обвел чучела широким жестом. – Что касается этого парня, среди его предков точно был какой-нибудь гусь лапчатый… А всех этих рыб поймал Клод Андервуд. Вот эта форель – рекордсмен. Вы рыбалкой увлекаетесь? Если да, то вам надо непременно повидать Клода.

– Нет, – признался Освальд. – Рыболов из меня никакой, да, боюсь, и охотник тоже. – Сам бы он не отличил форель от кефали.

* * *

Уже около часа Освальд топтался в лавке, любуясь краснокрылым проказником, когда зазвонил телефон. Положив трубку, Рой сообщил:

– Мистер Кэмпбелл, звонила Бетти. Ваш обед готов.

Освальд посмотрел на часы. Ровно двенадцать, секунда в секунду.

– Пожалуй, мне пора.

– Да, не стоит выводить ее из себя. Кстати, вы матушку видели?

– Ага-а-а, – округлил глаза Освальд.

– Говорят, вреда от нее никакого, но на вашем месте я бы на ночь запирался изнутри.

– Серьезно? А как же насчет безвредности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.